

А. П. Мальцев. Начало 1960-х гг.

Наверное, я никогда теперь не смогу спокойно проходить по этой улице, мимо этого дома. Этот, обычный с виду, маленький вергунский домик на улице Черниговской был удивительным местом. Дом-музей, «Богемный трюм», невероятно гостеприимный и открытый, он притягивал десятки самых разных людей особой атмосферой. А теперь этот дом тёмный и молчаливый, и будто осунулся, сгорбился от осознания потери. 4 февраля 2020 года не стало Анатолия Петровича Мальцева, нашего учителя, вдохновителя, человека, без которого не было

бы «Крыльев» и многих других идей и проектов, воплощенных «крыльевцами» за 14 лет.

Уже и не вспомнить, когда именно я впервые пришла к нему в гости. Однако дата эта зафиксирована в особой книжечке – одной из забавных традиций Анатолия Петровича. Каждому новому гостю он давал эту книгу – для записи впечатлений от посещения «частного музея». Оставила там свою сумбурную запись и я. Анатолий Петрович иногда перечитывал эти записи, вспоминая людей, однажды попавших к нему в дом, или цитируя их собственные «первые впе-

чатления» тем, кто стал завсегдатаем. А впечатления всегда были яркими. Этот дом, как и его хозяин, умел удивить, ошошить, ошеломить. На стенах всех комнат были картины, а одна из комнат была полностью отведена под них и именовалась «выставочным залом», причем на входе висела табличка «закрыто», которую хозяин для посетителей переворачивал обратной стороной – «открыто». Часть картин были нарисованы луганскими художниками – друзьями и знакомыми Мальцева, но большинство были написаны им самим. Они были созданы в крайне своеобразной авангардной манере, которую в Трюме в шутку называли «небрежизмом». Картины были остроумны, оригинальны, как и сам автор, который часто придумывал на ходу названия для своих картин (причем каждый раз – новые). Была еще особая категория картин – «эрши», эротические шутки, в которых на самом деле было гораздо больше юмора, чем эротики.

Дом Мальцева не зря именовался «музеем». Здесь хранилась удивительная коллекция – есениниана, собранная Анатолиев Петровичем за более чем 50 лет. Портреты и бюсты Есенина, книги поэта и книги о нём, собрание экслибрисов, посвященных Есенину, всевозможные сувениры, даже земля из Константиново, и самые ценные экспонаты – автографы писем современников, знакомых и родственников Есенина, с которыми Анатолий Петрович вел переписку. Это было делом всей его жизни, которому он посвящал свое время, силы, средства. Анатолий Петрович много ездил по Советскому Союзу, встречаясь с людьми, так или иначе связанными с судьбой Есенина, разузнавал адреса, писал письма. Прилагал невероятные усилия, чтоб отыскать хотя бы крупицу новой информации о жизни любимого поэта. Мне кажется, люди, с которыми он встречался и переписывался, понимали и ценили его преданность и увлеченность. И дарили удивительные по своей ценности подарки. Так, армянская художница Диана Уклеба, встречавшаяся с Есениным, специально для Анатолия Петровича написала портрет поэта, а вдова Ивана Приблудного вела с Мальцевым долгую переписку и прислала ему свои мемуары, рассказывающие о Приблудном, Есенине и многих других.

Анатолий Петрович был удивительно скромным человеком. Одной из его излюбленных шуток было, прочитав новую

книгу, журнал или газету, сказать: «Неинтересно. Нет ничего про меня». А на самом деле он никогда не выпячивал себя, в отличии от многих куда менее талантливых творцов, предпочитал оставаться в тени и даже всячески противился тому, чтоб в «Крыльях» он был указан как главный редактор, хотя именно ему принадлежала задумка альманаха и он проводил отбор материалов в первые годы издания. К сожалению, возможно, из-за скромности и некоей показной уничижительности Мальцева по отношению к самому себе, такое отношение к нему сформировалось и у ряда людей в его окружении. Увы, многие не понимали ни значимости его есенинианы, ни таланта Анатолия Петровича как поэта и художника. Для них, далеких от живописи, литературы, его картины, стихи были блажью, хобби и не более. Грустно думать, что его удивительное наследие ждет такое отношение – что уникальные документы и книги, картины и автографы стихов будут покрываться пылью и плесенью в холоде постепенно разрушающегося дома, пока не канут в небытие. Конечно, останутся публикации, картины, переданные Анатолием Петровичем в Луганский художественный музей, останется память в душах тех, кто понимал и ценил его талант. Но хотелось бы, чтобы для потомков сохранилось дело всей его жизни – вся его есениниана, его оригинальные, остроумные картины, его ироничные стихи.

Сам Анатолий Петрович всегда понимал важность и значимость памяти о человеке. Его стремление сберечь, сохранить память об ушедших, о людях, которых он любил, чувствуется и в собранной им есениниане, во всем «доме-музее» – где каждая вещь, каждая подробность приобретала смысл и значение, став частью памяти о любимом поэте. Так, пришедшие к Мальцеву гости неизменно оказывались в кресле, где «сидела племянница Есенина». У каждого предмета, сувенира, афиши была своя история, неразрывно связанная с судьбой самого Мальцева.

С не меньшим трепетом и нежностью хранил Анатолий Петрович воспоминания о своей семье. На одной из стен его дома висят портреты его матери, отца, родственников. Специально увеличенные со старых фотографий, помещенные в отдельные рамки. Большинство из этих людей Анатолий Петрович знал только по фото, но при этом относился он

к истории своей семьи очень бережно. Увы, вряд ли кто-то из его родных сможет теперь хотя бы назвать имена изображенных на фото. Анатолий Петрович часто вспоминал свою мать. Отца он никогда не видел, ведь тот ушел на Великую Отечественную войну еще до рождения сына и навек остался «пропавшим без вести». Молодая вдова с маленькими дочерью и сыном так и была одна всю оставшуюся жизнь. Мне сложно даже представить, как тяжело ей было в оккупацию, в послевоенную разруху растить двоих детей, не чувствуя поддержки даже от родни. И при этом она воспитала замечательного сына. Сына, который преданно заботился о матери в её последние годы и после её смерти нежно хранил память о ней.

Анатолий Петрович был невероятно мягким и добрым человеком. Он не выносил ссор и конфликтов, всячески старался их избегать, даже в ущерб себе. А если всё же ему доводилось вспылить, то потом он укорял и винил себя, даже если и был прав. Увы, такую доброту и мягкость многие использовали: просили и даже требовали помощи, зная, что Анатолий Петрович не откажет, даже если будет болен, даже если ему придется отдать последнюю сотню из его минимальной пенсии. А вот сам просить помощи Анатолий Петрович не умел и не хотел. Он боялся обременять других своими проблемами и даже в последние месяцы, когда болезни мучили его, в телефонных разговорах с родными и знакомыми всегда заверял, что у него всё хорошо, холодильник полон еды, в аптечке полно лекарств, и ему ничего не нужно. И только те, кто знал его близко, могли понять, чего стоила ему эта забота о спокойствии других, как сильно он старался никого не огорчить, не потревожить. И нужно было иметь определенную, можно сказать, наглость, чтоб заставить его принять помощь, подарок. Он жил очень просто, даже аскетично. В «Богемном трюме» было принято существовать с минимумом комфорта, воспринимая бытовую неустроенность как норму. Не потому что Мальцев не умел или не хотел сделать быт удобнее – он просто не замечал этой неустроенности, существовал словно в параллельной с нею реальности. Мне часто кажется, что это роднит его с поэтами есенинской эпохи. В 1920-е годы быт многих поэтов и художников был почти по-нищенски прост, что не мешало им создавать прекрасные произведе-

ния и жить богатой интеллектуальной жизнью. Как писал об Анне Ахматовой А.Найман: «Неблагополучие, как бы само собой разумеющееся, не напоказ, но бьющее в глаза. Не культивируемое, не – спутанные волосы, не – намеренное занашивание платья до дыр. Не поддельное – «три месяца уже не дают визу в Париж». Неблагополучие как норма жизни... Неблагополучие – необходимая компонента судьбы поэта, во всяком случае поэта нового времени. Ахматова считала, что настоящему артисту, да и вообще стоящему человеку, не годится жить в роскоши». Так и Анатолий Петрович то иронизировал над бытовыми мелочами (к примеру, самая большая комната в его доме, где стояло то самое знаменитое кресло, висел портрет Есенина и за столом могли поместится все гости, носила с легкой руки друга Мальцева, художника Валерия Кука, именованное «зал неисчерпаемых удобств», хотя, к примеру, зимой там было ужасно холодно, а чтоб зажечь свет, нужно было покрутить лампу в люстре), то просто не замечал их, забывая порой даже поесть.

От Серебряного века у Анатолия Петровича была и любовь ко всевозможным, в том числе литературным, мистификациям, созданию легенд, розыгрышам. Он наслаждался общением с людьми, совершенно разными, как хорошо знакомыми, так и случайно попавшими в его дом: почтальоны, чудаковатые графоманы, проповедники Иеговы, даже пьяный заблудившийся студент-араб – все они становились объектом его внимания, со всеми он мог вести долгие беседы. Он умел разыгрывать так, что ни у кого не оставалось сомнений в серьезности его слов. Мог зайти в продуктовый магазин и с серьезным лицом попросить валидол, вынуждая продавца объяснять, что аптека здесь была лет тридцать назад. Мог пойти на экскурсию в открывшийся супермаркет и озадачить администратора вопросом: разве можно продавать макароны на развес в открытых контейнерах – вдруг в них кто-то плюнет? (Кстати, теперь там контейнеры стали накрывать пленкой, администратор явно задумалась над этим вопросом). Мог пойти на концерт именитой поэтессы-графо-манки, чтоб громче всех кричать «браво». Не боялся быть ярким, смешным, необычным. И это удивительное сочетание эпатажности и скромности, вычурности и аскетизма, глубины художественного чутья и легкости в общении невероятно

привлекало. Его дом стал не простым местом сбора. Это была сцена для перфомансов, поэтических вечеров, даже вручения премий, здесь рождались и жили стихи, шутки, афоризмы, одно время у «Богемного трюма» было даже своё собственное «непериодическое» издание – альманах «Не для всех», издававшийся ограниченным тиражом, лишь для посвященных. Десятки шуток, крылатых фраз, подаренных нам Мальцевым или родившихся во время наших встреч, стали нашим «крыльевским фольклором». Увы, теперь эти шутки и фразы произносишь с примесью грусти.

«А. П. Мальцев в вергунской «богемной беседке». 1970-е гг.»

Нам всегда было уютно в его доме, интересно и хорошо рядом с ним. Мы были единомышленниками, друзьями, несмотря на значительную разницу в возрасте. А в какой-то момент мы стали практически семьей. Летом 2014 года, когда родня Анатолия Петровича выехала из Луганска, убегая от украинских снарядов, он все же был не одинок. И несмотря на гул снарядов над головами, его двор стал местом частых встреч. Приходили соседи, делились новостями. И приходили крыльевцы. Из Камброда приезжала на велосипеде Лена Настоящая, всей семьей приходили мы, Черновы-Сеничкины, заглядывал живущий неподалеку Валера Богословский. Когда на отдельных улицах отключалось электричество, помогали друг другу с зарядкой телефонов, набирали воду, с

которой тоже были проблемы. Делились новостями, которые ввиду отсутствия телевидения и интернета, были не менее ценными, чем вода и хлеб. Помогали друг другу выжить в эти жуткие месяцы. Наверное, было глупостью не уехать, остаться в обстреливаемом городе с двумя детьми, но я рада, что мы были в эти месяцы рядом с Анатолием Петровичем. Он был по-настоящему родным человеком для нас.

В последние месяцы жизни Анатолия Петровича я часто сердилась на него, даже ругала. За то, что много курил, почти не ел, зимой мерз, экономя газ. Приносила ему борщи и винегреты, какие-то таблетки и так упорно не хотела верить в неизбежное, не хотела его отпускать, не хотела смириться с тем, что он сам уже не боролся за себя. Даже когда ему стало совсем плохо – не хотелось верить, не верилось... Мне кажется, что-то сломалось в нем, когда он похоронил старшую сестру. Может оттого, что он стал старшим в семье, в роду, словно последним стоящим на краю пропасти. Он как-то перестал держаться за эту жизнь, стал закрываться, все меньше интересоваться чем-то вокруг. Ему трудно было читать книги, утомляя компьютер, он давно перестал бывать где-либо, даже в магазин не выходил – не было сил. Но до последнего дня с ним оставалась его доброта, любовь к людям и умение улыбнуться, даже сквозь боль. Незадолго до смерти он прочел нам то, что назвал своим «последним стихотворением»:

Пролог.

Эпилог.

Некролог.

И невероятно горько и больно было видеть, как угасает этот светлый человек, полный необыкновенной жизненной энергии, душевной щедрости и доброты.